

Краеведческий материал о дворянском роде Олферьевых из Уды, опубликованная в прошлом номере газеты, вызвала большой читательский интерес.

К материалу, повествующему об истории рода рачительных хозяев земли своей – князьях Олферьевых, мы шли несколько лет, по крупицам собирая разрозненные сведения. Впервые мысль восстановить события тех далеких от нас времен зародилась после серии публикаций «Белые пятна и черные дыры» краеведа из Атемара А.С. Борисова, повествующего о том, как в первые годы после Гражданской войны шло разграбление барских усадеб на территории нашего района. «Барин Олферьев, уезжая из Новой Уды, просил крестьян не трогать имение потому, что оно фактически уже принадлежало им, открыть в доме библиотеку, школу, использовать мельницу и завод для себя. Но его задумкам не суждено было сбыться. Растащили все в доме, разгромили винный завод, запустили пруд и водяную мельницу, все превратили в развалины...»

Второй раз с судьбой удинских помещиков пришлось столкнуться в 90-е годы, когда мы изучали воспоминания ветерана труда Макеевой (также опубликованные в газете «Призыв»), чье детство прошло в Новой Уде. «Он (помещик Олферьев) и его семья, по рассказам моих родителей, были высокообразованными людьми. Культуру и грамотность они старались привить и крестьянам. Может, потому так тянулись люди к новой культуре? Простые крестьяне, обремененные домашними заботами, принимали участие в драмкружке «Живая газета», которым руководила учительница Анна Сергеевна Коровина. Ставили пьесы Островского, Гоголя, современных писателей. Замечательно играли удинские Андрюша Земсков, Зиночка Пискунова, братья Пискуновы, Лена Спиридонова, Маша Маланьина.

...Потом к нам в редакцию приехал давний друг нашей газеты, садовод из Екатериновки Николай Петрович Елистратов, который поведал предание, бытовавшее в селе в советское время.

«Однажды в 50-ые годы житель села Старая Уда вместе с женой оказались в Москве. Супруги были уже пожилые. Так как они ехали издалека и с пересадкой, им пришлось бы сутки ждать на Казанском вокзале поезда. Но неожиданно в зале ожидания к ним подошел статный, почтенного возраста человек и пригласил их к себе домой. Немало удивившись, они приняли приглашение. Незнакомец принял их, как дорогих гостей, накормил, уложил спать, а наутро еще и купил билеты до Саранска. Когда они прощались, старый дед не утерпел и задал вопрос: «За что же нам такие почести, мил человек?» В ответ хозяин дома спросил: «Ерофеич, неужели ты не узнаешь меня? Я же сын барина!» Это был Николай Петрович Олферьев, сын князя Олферьева. Распрощались они очень тепло. Старик, долгое время служивший у Олферьева-старшего, потом не раз рассказывал односельчанам, каким добрым и внимательным оказался сын их барина». И, наконец, судьба свела нас с предводителем Дворянского Собрания в Мордовии Вадимом Викторовичем Чернавиным, а тот, в свою очередь, предоставил нам дневники – воспоминания князя Николая Петровича Олферьева, оригиналы которых хранятся в семейном архиве внучки князя Надежды Владимировны Дмитриевой.

ДВОРЯНСКИЕ
ГНЕЗДА

Река Аморда начиналась в олферьевском лесу из обильных родников с меловой почвой. На этом «мергеле» «росли великолепные, вековые леса из дуба, липы, березы, клена. В лесах было много пчельников с вековыми яблонями, продолжавшими плодоносить. На пчельниках сидели старики, патриархи села, всеми глубоко уважаемые, делали запруды для полива яблонь и огородов, в прудах разводили карасей; на зиму возвращались в село, в некоторых случаях их семьи состояли из 40 душ. Пчельники переходили из рода в род одной и той же семьи».

Еще одна прекрасная традиция - большие семьи. Все породнились, все друзья. Знаменитый врач-офтальмолог Филатов - кузен дедушки; кстати, они были очень похожи друг на друга и внешне. В мемуарах раскрывается эта широкая панорама жизни пензенского дворянства, связанного родственными узами.

Вот как писал Салтыков-Щедрин: «Пензенская губерния вообще в это время странною волшебной была. Куда, бывало, ни повернись, везде либо Араповы (фамилия известного при губернаторе Панчулидзева предводителя дворянства), либо Сабуровы, а для разнообразия на каждой версте по Загоскину да Бекетову».

Среди моих предков Сабуровы, Араповы, Татищевы, а генерал Панчулидзев - мой

прапрапрадед. Николай Петрович женился на Екатерине Федоровне Обуховой (1879-1953), моей бабушке по матери и внучке губернатора.

На ее фотографии - очаровательная, похожая на фарфоровую статуэтку девушка в костюме пастушки. Такой изящной и милой бабушка и оставалась всю свою нелегкую жизнь. Я плохо ее помню, но остались фотографии, маленькие перчатки и туфельки, вышитые бабушкой подушечки, кошельки, кофточки, платочки. Буря пронеслась по России, разлетелись состояния, погибли или уехали многие из родных, и лишь чудом уцелели милые крохи того быта... В память о бабушке я назвала Екатериной и свою, теперь уже взрослую дочь.

Описание имений, деревень, помещичьей жизни - неоценимый исторический источник. «В длинные зимние вечера Екатерина Ивановна читала вслух интересные детские книги. У нее был какой-то задушевный голос, читала просто, но ее чтение хватало за сердце. Она читает, а за окнами завывает метель. Я любил в детстве эту метельную музыку, но страшно было за тех, кто в дороге. Отец обыкновенно посылал сказать церковному сторожу, чтобы звонил в большой колокол... На следующую зиму я с братом под руководством нашей доброй учительницы издавал еженедельный журнал «Кругозор». В субботу готовый номер сдавали отцу и получали каждый по 20 копеек. Обложку номера рисовала учительница пером, и рисунки были замечательно красивы. В журнале мы писали обо всех новостях в доме, дворе, о собаках и лошадях и о всем прочем, что видели и слышали. Впоследствии, когда я и брат уже имели свои семьи, мать показывала нам номера «Кругозора», которые хранила много лет».

36 волостей
саранского уезда

А будучи землеустроителем, Николай Петрович подробно описывает деревенскую жизнь Пензенской губернии: «В 20 верстах от Саранска было большое село Архангельское-Голицыно, центр волости. Это была странная волость. Ее крестьяне именовались «калилы», занимались нищенством и ездили по всей России, прося «на погорелое место» и предъявляя особые удостоверения о пожаре. Эти фальшивки фабриковали здесь же в одной из деревень волости. «Калил» ловили и возвращали иногда по этапу на родину. Насобиравши денег, они их переводили домой. Обилие переводов вынудило правительство открыть в селе почтовое отделение. Все крестьяне волости были зажиточными и за ними никогда не числилось недоимок. Податные инспектора восхищались этой волостью и получали поощрения по службе за 100-процентный сбор налогов».

«В Саранском уезде числилось 36 волостей; частновладельческой, церковной, казенной и удельных земель оставалось около 700 десятин на волость. В это количество не входила земля, принадлежавшая на правах собственности отдельным крестьянам, а эти участки иногда доходили до 100 десятин. Частновладельческие имения колебались от 120 до 3000 десятин, причем главная масса приходилась на имения в 300-800 десятин. Имение в 3000 десятин было, кажется, всего одно, а свыше 1000 десятин размером - не более пяти имений. Всего имений на Саранский уезд было около 40, из них 28 дворянских. При этих имениях было несколько конных заводов, особенно был известен рысистый завод Ю.Н. Юрлова, а владелец одного имения, помимо своего хозяйства,

держал в Саранске кинематограф. Владельцы семи из имений сами там не жили - граф Келлер, княгиня Гагарина, Татищевы, Мезенцев, Макиеровские, сестры Макова и Деконская (урожд. Долгинцевы), Коптева - и всем управляли наемные опытные люди с агрономическим образованием.

По окончании Петербургского университета Николай Петрович занимался выделением земель под хутора и отруба, что было сутью столыпинской реформы: «все понимали, что намечается что-то новое, но что именно - никто не мог хорошенько понять. Агрономы, ветеринары, землемеры, гидротехники и другие специалисты сельского хозяйства считали, что вопрос идет об уничтожении внутринадельной чересполосицы для подъема производительности земли, видели в этом прогрессивное начинание и пошли с охотой на эту работу. Земские начальники, акцизные, податные и прочие чиновники, дворянство, духовенство не хотели беспокойных перемен и считали, что крестьянскую общину нельзя трогать; а крестьяне были настроены против «футоров» и любых землеустроительных работ, хотя бы и за счет казны».

Трудно дать представление обо всем содержании мемуаров Николая Петровича Олферьева в столь небольшой статье. Думается, их полная публикация откроет много страниц истории древней и прекрасной саранской земли.

Внучка Николая Петровича Олферьева Н.В. Дмитриева, искусствовед, член Союза писателей России, директор департамента культуры Московского Дворянского Собрания.

Из переписки с Н.В. Дмитриевой мы также узнали о судьбе С.П. Олферьева. Сергей Петрович (1875 -1942 гг.), брат-близнец Н.П. Олферьева после окончания вместе с братом Пензенской классической гимназии учился в Лазаревском институте восточных языков и посвятил свою жизнь дипломатической карьере, которая оборвалась в 1918. Сергей Петрович служил в русском посольстве в Константинополе, затем был вице-консулом в Персии, в городе Маку при Макинском шахе. В Маку открыл русско-персидскую школу для армянских и мусульманских детей. Знаток многих восточных и европейских языков, прекрасно знал арабскую поэзию, занимался переводами стихов на русский язык, известен своими переводами Ширази Хафиза («Роза и соловей»), опубликовал статью «Из области древнеарабской лирической поэзии». Член Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. В 1898 г. опубликовал исследование «Архив Полянских при церкви села Макаровка Саранского уезда Пензенской губернии», в 1906 - «Материалы о Тальшинском Ханстве в Персии». В советское время не служил, был в ссылке в Архангельске (где печатался под псевдонимом С.П. Вегин). Скончался от голода в блокадном Ленинграде зимой 1942, место захоронения не известно.

Около церкви лежит надгробная фамильная плита, ставшая безымянной...

Николай Скобликов

*Плита надгробная, как раненая птица,
Лежит забытая, заросшая травой.
Кто похоронен здесь, какие лица?
Но стертой надписью — своей,
По повелению Творца,
Потомкам в назидание явила
Дела давно минувших дней,
И имена, лежащие под ней.*